

82.3(2)
111
111

И.С. АКСАКОВ

275150
111

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

*Фотография А.И. Денъера.
ИРЛИ. Санкт-Петербург*

И.С. АКСАКОВ

**ОТЧЕГО ТАК НЕЛЕГКО
ЖИВЕТСЯ В РОССИИ?**

ca-276179
18
15

Москва
РОССПЭН
2002

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

В ПОИСКАХ ИСТИННОГО ВРЕМЕНИ

(Иван Аксаков — историк и публицист)

Кто знает, как связаны история и истина? Конечно, можно сказать, что задача историка в том и заключается, чтобы найти, исследовать и понять истину. Но тогда возникнет уже заданный некогда вопрос: «Что есть истина?». Сам этот вопрос предполагает, что истина только одна, что она объективна. Но каждый исследователь — историк, философ, публицист — видит свою истину. Ибо истинное знание — не только *знание* событий, фактов, но еще и их *интерпретация, восприятие, объяснение*. История всегда протекает во времени, и, может быть, самое главное для историка — это ощущение времени, вместе с которым приходит и ощущение истины. Это вообще характерно для исторической и философской публицистики. Ибо, как объяснял Л.П. Карсавин, «Всякий политик, всякий публицист пытается уловить тенденции исторического процесса. Он всегда оперирует с тем, что сулит или чем грозит будущее, которое он — худо ли, хорошо ли — усматривает в настоящем и прошлом. Но, конечно, редко публицистика поднимается до самосознания, до осмысления существа развития и его принципов. Ближе всего к такому самосознанию он в периоды культурной напряженности»¹.

Ощущая время как философскую категорию, а не как инструмент привязки событий или определения их длительности, историк становится на путь философской публицистики. История обретает для него характер, лицо, он пытается понять не просто ее ход и течение, но и разумный смысл. К таким историкам-публицистам, безусловно, принадлежит и Иван Сергеевич Аксаков. Ему было доступно ощущение вечности и вместе бренности бытия, понимание мгновения во всей его глубине и сложности, сиюминутного как начала и источника вечности.

Третий сын Сергея Тимофеевича Аксакова, литературного и театрального критика, цензора Московского цензурного комитета, впоследствии известного писателя, Иван Сергеевич Аксаков родился 26 сентября 1823 г. в селе Надеждине (Куроедове) Белебеев-

¹ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 280.

ского уезда Оренбургской губернии. Через три года семья переехала в Москву, где Иван Аксаков жил до 1838 г. В августе 1838 г. отец определил его в четвертый класс недавно созданного Императорского училища правоведения в Петербурге. Среди первых воспитанников училища был старший брат Ивана, Григорий. Позднее туда же поступил и его младший брат Михаил, очень талантливый, но безвременно умерший. Несмотря на то что к моменту окончания училища у Ивана Сергеевича было довольно много друзей, а среди преподавателей было много людей талантливых и интересных, он вспоминал годы учения не очень охотно. Возможно, именно тогда и возник конфликт между личностью и обществом, который Иван Сергеевич остро чувствовал в себе самом и в каждом из тех, с кем он встречался. В 1866 г. в письме Ф.В. Чижеву он признавался: «Годы в школе — самые мои горькие годы: я чуть ли не два года имел репутацию глупого, дурака...»¹. Сверстники, как водится, встречали новичка по лицу и по одежке. Иван, казалось, не мог соперничать со своими новыми товарищами: внешность его был невыигрышна, он выглядел несколько угрюмым и неразговорчивым, болезненно реагировал на шутки и остроты, легко тушевался и порою отвечал невпопад»². В сентябре 1838 г. он писал из училища: «Вы говорите, милая маменька, что надо мною смеются. Это участь всякого. Впрочем, я теперь становлюсь вольнее и вольнее в училище... Что ж касается до благородного образа мыслей, то у нас есть многие, которые его имеют и способны оценить его в других, но есть и такие, которые его не только не имеют, но и не понимают»³. Нетрудно понять, что переживал и чувствовал Иван: история его привыкания к училищу и расставания с домом во многом похожа на историю его отца, Сергея Тимофеевича, описанную в его «Воспоминаниях». Администрация училища воспитывала в учениках особый дух чиновника-правоведа, который также остался чуждым для Ивана Сергеевича. По замечанию хорошего знакомого Аксаковых, Николая Константиновича Калайдовича, Иван Аксаков был «больше литератор и философ»⁴.

В 1840 г. юный правовед встретился с другим знакомым отца и брата Константина — В.Г. Белинским. Известный уже в ту пору критик писал Константину Сергеевичу об этой встрече: «Славный юноша! В нем много идеальных элементов, которые делают человека человеком, но натура у него здоровая, а направление действи-

¹ Аксаков И.С. Письмо к Ф.В. Чижеву (1866) // Поэзия. Альманах. Вып. 40. М., 1984. С. 120.

² См. подробнее: Манн Ю.В. Семья Аксаковых. М., 1992. С. 239.

³ ОР РГБ. Ф. 3. Карт. III. Ед. хр. 15«д». Л. 12об. Письмо к С.Т. и О.С. Аксаковым от 4 сентября 1838 г.

⁴ См.: Манн Ю.В. Семья Аксаковых. С. 241.

тельное, крепкое и мужественное. Я очень полюбил его. Молодое поколение лучше нас; оно много обещает»¹.

В 1842 г. И.С. Аксаков окончил училище с чином 9 класса и поступил на службу во Второе отделение Шестого департамента Правительствующего Сената в Москве. В Сенате Аксакова быстро заметили. Но его успех был особого рода — не тот, который влечет быстрое повышение по службе и блестящую карьеру, а тот, который заставляет начальство ценить деловые качества чиновника, давать ему самые трудные (и самые невыигрышные в смысле продвижения по служебной лестнице) поручения. В конце 1843 г. Иван Аксаков назначен в комиссию князя П.П. Гагарина и в начале 1844 г. отправляется вместе с нею для ревизии Астраханской губернии.

Впечатления от поездки отразились в письмах Аксакова к родным, которые заменили ему личный дневник. В них масса наблюдений, размышления об увиденном и услышанном, описание нравов, местностей и проч. Их вполне можно счесть своеобразными физиологическими очерками. Своеобразие же их — в полной искренности и непредвзятости, автор их не ограничивается выражением восхищения перед увиденным, но критически оценивает и не стесняется порицать не только действия своих коллег по ревизии, но и самые принципы служебной деятельности, а то и действия самого правительства. Так было и в письмах из Калуги и Бессарабии. Неосторожность в письмах привела к тому, что 18 марта 1849 г., вслед за Ю.Ф. Самариным, Иван Аксаков был арестован. Подозрительными для властей показались и возмущение по поводу ареста Ю. Самарина, сочувствие его «Рижским письмам», и недовольство высшей администрацией. Впрочем арест и допрос в III отделении закончились для Ивана Сергеевича сравнительно благополучно: прочитав письменные ответы И. Аксакова на вопросы III отделения, император повелел «вразумить» молодого чиновника и отпустить его². Тем не менее за ним был установлен негласный надзор. Об этом Иван Сергеевич узнал значительно позднее, когда выполнял поручения правительства в Ярославской губернии. И все же происшествие не изменило ни натуры, ни характера И. Аксакова и не научило его осторожности. В ответ на сетования отца он отвечал: «Я иду своей дорогой и вовсе не хлопочу в жизни о покое, удобствах и приятностях...»³.

¹ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 тт. Т. 9. М., 1982. С. 388.

² Ответы И.С. Аксакова на вопросы III отделения приведены в изд.: Аксаков И.С. Письма к родным. 1844—1849. М., 1988. С. 497—508. Об обстоятельствах ареста см. подробнее: Там же. Примеч. к письму 215. С. 678.

³ Аксаков И.С. Письма к родным. М., 1988. С. 487.

Вскоре после ареста И. Аксаков написал и отправил с верной оказией родителям «небольшую статью, вроде письма», в которой ставит и решает важнейшие теоретические вопросы славянофильства. Если до этого момента о близости И.С. Аксакова к славянофильству можно говорить только очень условно и осторожно, то статья «О служебной деятельности в России. Письмо к чиновнику» безусловно написана славянофилом. Но Иван Сергеевич предлагает не просто свое видение славянофильских проблем, но свой вариант славянофильской теории в целом.

На собственном опыте И. Аксаков убедился, что «служебная деятельность в России лишена всякой жизненной почвы», ибо представляет собой «высшее выражение формализма». Под формализмом Аксаков подразумевает стремление регламентировать жизнь, ограничить ее, ввести в какие-то правильные рамки. «Это стремление к формулированию есть необходимое условие жизни всякой правительственной администрации уже по самому существу ее. В этом все ее зло и все ее значение! Как бы ни приурочивали формулу к живому быту, она никогда не будет иметь нужную для того эластичность, которая бы вместе с жизнью растягивалась, сокращалась, видоизменялась»¹. Традиционные для славянофильства упреки в формализме, недоверие к систематической деятельности и регламентации звучат здесь несколько неожиданно — ведь И. Киреевский и А. Хомяков обвиняли в формализме и следовании букве закона как раз западную цивилизацию, а благодетельное отличие России видели именно в том, что она живет инстинктом, интуицией, а не писаным законом, соблюдая дух, храня смысл, а не форму. Тем не менее Иван Аксаков в этих западных грехах упрекает именно русское правительство, и сравнение с Западом оказывается не в пользу России: «...это общий характер отношений всякой администрации к жизни; у нас же в России к этому присоединяются и другие обстоятельства. Мы совершенно оторваны от живой жизни народа, мы утратили сокровище народного инстинкта и, как бы ни старались восполнить этот недостаток изучением, все же мы будем лишены творчества, которое дается только цельностью жизни»². И. Аксаков не просто констатирует существование разрыва между сословиями, но и утверждает невозможность преодолеть этот разрыв. И. Аксаков противопоставляет две важнейшие категории славянофильской теории — народность и православие, и в этом противопоставлении он отдает предпочтение религии. Он осуждает крепостное право, потому что оно противоречит христианству, хотя крестьяне к нему привыкли, а в славянофильском кружке эта проблема затрагивалась

¹ Аксаков И.С. О служебной деятельности в России. Письмо к чиновнику. См.: С. 26 настоящего издания.

² Там же.

слабо. «Для меня же достаточно одно: несовместимость его с понятиями христианскими. Вот оселок единственный, о который можно пробовать законность явлений народной жизни. Что совместимо с христианством, то хорошо и должно быть народно, что нет, то ложно, хотя и народно. Общинное начало, принцип единогласия, существовавшее у нас, вероятно, еще во времена язычества, к счастью, не противоречат христианству, но многие его стороны противоречат религии»¹.

Продолжение службы «без веры в администрацию» (в чем признавался в своей статье И. Аксаков) оказалось для него тягостным. В 1851 г. он позволил себе возразить министру внутренних дел Л.А. Перовскому на замечание о том, что служебная деятельность не совместима с литературной. Для кого-то другого замечание министра показалось бы, может быть, и обидной, но несущественной формальностью. Однако И. Аксаков полагал иначе. Он попросился в отставку, которую и получил. Но свой досуг он использовал для деятельности литературной: И. Аксаков стал редактором издаваемого на средства А.И. Кошелева «Московского Сборника на 1852 год». Издание предполагалось в четырех томах и должно было заменить славянофилам журнал, которого им так не доставало.

Приступив к работе, И. Аксаков привлек к изданию почти всех членов славянофильского кружка, настоял на изменении программы и самого подхода к изданию. «На общем совете... решено непременно произвести реформу в характере изданий наших, расширить круг сотрудников (полагая неперменным условием нравственное с ними сочувствие и права их на наше искреннее уважение), избегать всякой излишней исключительности и односторонности», — писал он И.С. Тургеневу 26 ноября 1851 г.²

В «Московском Сборнике» была напечатана программная статья И. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России». И. Аксаков не согласился с выводами Киреевского и, помещая эту статью, счел нужным оговорить в предисловии свои разногласия с автором и объяснить, что не все участники «Сборника» думают одинаково. Однако это предисловие не разрешила цензура, и до нас оно не дошло.

Для второго тома «Московского Сборника» И. Аксаков написал две статьи: «Об общественной жизни в губернских городах» и «О замечательном ремесленном союзе некоторых сел Ярославской губернии». Они интересны уже тем, что в основу их положены реальные сцены общественной жизни в Калуге и реальный же опыт

¹ Там же.

² Письма И.С., К.С. и С.Т. Аксаковых к И.С. Тургеневу. С введением и историко-литературными комментариями Л.Н. Майкова. М., 1894. С. 12.

устройства «ремесленного союза» для взаимопомощи среди крестьян Ярославской губернии. Публицист обличает всеобщее равнодушие к общей пользе, пошлость и мертвенность жизни в провинции. Но волнуют его не просто отвлеченные идеи и не абстрактные пороки. Он исследует причины нравственного перерождения человека. Его интересует не сам феномен провинциальной жизни, а торжество внешности, видимости, подражания столице. Пошлость, по Аксакову, заключается в стремлении все подчинить принципу *comme il faut*. Но общественное стремление складывается из усилий отдельных личностей. Их недостаток, слабость приводят к умственному застою, к нравственной неразборчивости провинциального общества. В статье Аксакова уже развиваются элементы его будущей концепции подобию и лженародности. В 60-е гг. он выстроит целую теорию о подмене истинных начал народной жизни ложными, о Царстве подобию, искажающих истину. В 1859 г. в газете «Парус» он напишет о господстве Лжи официальной, утвержденной, обязательной: «Было такое время, когда ни воздуху, ни свету не давалось людям, когда жизнь притаилась и смолкла, и в пустынном мраке пировала и величалась официальная ложь — одна — владычица безмолвного простора! Но ведь это время прошло! Или мы еще не убедились, что постоянное лганье приводит общество к безнравственности, к бессилию и гибели? Или уроки истории пропали для нас даром?» Разоблачая провинциальную ложь, Аксаков в 1852 г. еще не делал столь масштабных и серьезных обобщений. Его упреки относились не к власти, а к обществу, к людям, которые потеряли смысл своего существования и никак не могли обрести его вновь. Однако начало этим обобщениям уже положено, исходная точка исследования найдена... В 1862—1863 гг. И. Аксаков напишет ряд статей о лженародности и «переряжении», о зле подобию: «...У нас есть готовые определения почти для всякого явления русской жизни, которые, однако ж, не более как иностранные подобию...» Ложь захватывает самосознание общества. Если провинция грешит безмыслием, то столица — искаженным взглядом на мир. Провинциальная жизнь соткана из веселья, духовное начало отсутствует, но провинция и не претендует на духовность. Столица же учит духовности, но не обладает ею по-настоящему. «...В нашем общественном разумении — целое царство подобию. Чем более мнимого сходства — тем труднее добраться до истины»¹.

Так развивалась мысль И. Аксакова, и неудивительно, что его статья «Об общественной жизни в губернских городах» была запрещена в III Отделении, как, впрочем, и весь второй том «Московского Сборника». Не только редактор, но и все авторы сборника были признаны людьми неблагонадежными, за ними установили полицейский надзор, им запретили публично читать свои

¹ См. С. 458—459 настоящего издания.

новые произведения, а на их публикацию следовало получать разрешение Главного управления цензуры в Петербурге.

В 1858—1859 гг., уже при новом царствовании, И. Аксаков попытался продолжить свою публицистическую деятельность. Он добился разрешения издавать собственную газету «Парус». Однако вышли всего два номера, а на третьем газета была запрещена. В своих передовых статьях, посвященных проблемам истории, публицист пытается понять общие закономерности эпохи, показать ее самые значительные черты. «Странная, странная эпоха, в которую мы живем! Эпоха попыток, разнообразных стремлений, движения вперед, движения назад; эпоха крайностей, одна другую отрицающих, деспотизма науки и теории над жизнью, отрицания науки и теории во имя жизни... Все в движении... все тронулось с места»¹. Картина эпохи, нарисованная Аксаковым, узнаваема и точна, хотя в ней нет ни одной предметной детали, ни одного конкретного имени, ни одной даты. Он указывает характерные черты эпохи, которые стали чертами отдельных личностей, и черты личные, ставшие уже чертами общественными. Это узнавание человека и эпохи придает наблюдениям Аксакова философское звучание, превращает беллетризованное описание в историко-публицистическое исследование.

Конечно, только в исключительных случаях публицист способен подниматься до такого понимания и обобщения. Но основные элементы такого подхода к действительности ясно видны в статьях И. Аксакова. Он не только обобщает характерные для его эпохи приметы жизни, но показывает истоки нынешнего состояния, осмысливая причины неблагополучия. И здесь он указывает на Петра и его последователей. «Присущий Петровской эпохе элемент презрения к народной жизни глубоко проник в наше образованное общество», — утверждал Аксаков в «Парусе»². Он находит пересаженную Петром в Россию систему власти противоестественной, доказывает ее несостоятельность, «безобразие данных ею плодов». Прочно лишь то, считает Аксаков, что вырастает органически, укоренено в народной почве. Но ни реформы Петра, ни новейшие реформы не связаны с народной жизнью, чужды ей. Аксаков пишет: «Мы желаем прогресса и преобразований, но мы хотим, чтобы они не были порождением отвлеченных бесплодных систем... Мы хотим, чтобы сама жизнь пустила ростки»³. Эта идея органического развития будет позднее развита им в газетах «День», «Москва», «Русь». Но уже в 1859 г. в «Парусе» он упрекает общество в доктринерстве, в желании «возродить эпоху Петра I, разу-

¹ См.: С. 99 настоящего издания.

² Там же: С. 100.

³ Там же.

меется, в других формах, но в том же духе презрения к народной жизни».

Тем самым упрек в ретроградстве, стремлении воскресить прошлые, давно уже отжившие формы Аксаков адресует правительству. В таком контексте хорошо знакомые исследователям и читателям Аксакова слова о народности как путеводном компасе, способном вывести страну из путаницы современных экономических и политических отношений, приобретают иной смысл. Это уже не хрестоматийные для славянофилов рассуждения о неких абстрактных духовных и нравственных началах. Понимаемый таким образом поворот к народности прежде всего означает отмену крепостного права. «Однажды совершенная, она поставит нас лицом к лицу с крестьянином, внесет в жизнь нашего «образованного» общества стихию народную, смысл жизни действительной», — писал И. Аксаков во втором номере «Паруса»¹.

Неудивительно, что эта статья решила судьбу газеты. Министр внутренних дел нашел ее непозволительной. «Парус» был запрещен, все хлопоты о том, чтобы продолжить издание под другим названием — «Пароход» или «Дума» и при другом официальном редакторе — Ю. Самарине — ни к чему не привели. Журналистская и публицистическая деятельность И. Аксакова сосредоточилась теперь в журнале «Русская Беседа», который А.И. Кошелев начал издавать еще в 1856 г. В 1859 г. он передает обязанности редактора (неофициально) И.С. Аксакову, правда, не без колебаний и опасений. Различие исторических и полемических взглядов между ними было слишком очевидно. Кошелев убеждал Ивана Сергеевича быть терпимее и лояльнее к власти. В июне 1858 г. он предупреждал его: «Одно меня тревожит, это Ваше болезненное нерасположение к власти. В «Парусе» кутите как хотите, но в «Беседе» <...> будьте в примечаниях от редакции крайне воздержанны, ибо скорее соглашусь закрыть «Беседу», чем дать ей оппозиционный характер. <...> Я в душе за власть, с прискорбием вижу, когда она спотыкается. «Беседа» в правительственном смысле стоит хорошо — ради Бога, не портите. Что же касается до «Благоустройства», то <...> прошу ни одного слова не изменять в этом отношении, ибо я желаю слыть органом правительства, только либерального правительства»².

Однако опасения Кошелева не были напрасны. Следуя требованиям официального издателя, И. Аксаков не вмешивался в содержание журнала «Сельское Благоустройство», целиком посвященного крестьянскому вопросу. Зато в «Русской Беседе» с 4 номера 1858 г. вся ответственность фактически перешла к

¹ С. 102 настоящего издания.

² Колюпанов Н. Биография А.И. Кошелева: В 2 томах. Т. 2. М., 1892. С. 249.

Ивану Сергеевичу¹. Не выступая прямо против существующих порядков, он умел в редакционных примечаниях так прокомментировать событие, что становилась ясна неверная позиция государства, пренебрежение властей обычаями и правами простых людей. Так, в примечании к заметке «Типографская библиотека в Москве» он возражал против перевода Синодальной библиотеки в Петербург, поскольку это могло бы «подорвать едва ли не единственные нити, связующие русский простой люд с книжностью»².

По инициативе И. Аксакова, «Русская Беседа» отправила в Новгородскую губернию П. Якушкина для собирания фольклора. Однако одетый в народное платье Якушкин был неожиданно арестован. «Русская Беседа» вступает в открытый конфликт с властью: И. Аксаков печатает статью П. Якушкина «Путевые заметки по Новгородской губернии», в которой речь идет не только о принципах собирания фольклора, но и о беззакониях полиции. Аксаков предваряет статью Якушкина своей заметкой, в которой поднимает проблемы исторические, пишет о «раздвоении» России на народ и образованные сословия, возникшем при Петре и «лишившим нас чувства народной жизни». Мысли Аксакова обратили на себя внимание III отделения, поспешившего ввести новые правила для собирателей фольклора, затруднявшие их работу.

Возможно, именно эта история осложнила отношения Аксакова и Кошелева. Как бы то ни было, Кошелев решил прекратить издание и в 1860 г. сам, уже без Аксакова, издал лишь два тома «Беседы». Иван Сергеевич публикует в 6 номере за 1859 г. «Заключительное слово», в котором подводит итоги и прощается с читателем. Для него в «Русской Беседе» всего важнее было «дружное и гласное служение русской народности», то есть «делу народного самосознания во всех областях жизни и духа»³.

Однако раздражение властей от публикации было настолько сильным, что Аксаков всерьез опасался ссылки и предпочел уехать в заграничное путешествие, чтобы о нем забыли.

После возвращения, с октября 1861 г., он начинает издание еженедельной газеты «День». В прошении, поданном в Цензурный комитет, Аксаков утверждал, что полностью продолжает програм-

¹ В письме к В.А. Черкасскому от 17 июня 1858 г. И. Аксаков писал: «Я взял на себя «Беседу» и вообще все управление конторою «Беседы» и «Благоустройства», не отказываясь в то же время от намерения издавать «Парус». (ОР РГБ. Черк./II. карт. 4. Ед. хр. 17. Л. 10б.

² Русская Беседа. 1859. Кн. 5. Смесь. С. 104. Статья П. Бессонова и послесловие Аксакова вызвали неудовольствие Синода. См.: Русское Обозрение. 1897. Кн. 2. С. 600.

³ См.: С. 107 настоящего издания.

му «Русской Беседы». Ходатаем за новое издание выступило Министерство иностранных дел. Предполагалось, что «День» поможет оказывать влияние на славянские государства и расположит славян к России. Однако для самого Аксакова было очевидно, что, по сравнению с русскими, славянские интересы будут для его газеты второстепенными. Он признавался графине А.Д. Блудовой: «Пока будет существовать «День», он будет посвящен преимущественно русским нашим внутренним вопросам...»¹. Аксаков признал таким образом приоритетное значение публицистики для своей газеты. Отказываясь печатать отвлеченные, теоретические статьи по философии, религии и т.п., он все же предпочитал анализ, объяснение, а не информацию. «День» задумывался и создавался не для одной популяризации славянофильских идей, высказанных в трудах старших славянофилов, но для дальнейшего развития теории, для приложения ее к нуждам современности.

Однако служение настоящей минуте, актуальности не мешало Аксакову создавать на страницах своей газеты новые теории. Впрочем, ко всякой теории он относился с известной долей осторожности, предпочитая создавать теорию на основе своего реального опыта, известных фактов, но так, чтобы избежать предвзятости. Еще в 1852 г. он предостерегал Кошелева: «Не думайте, чтобы так было легко определить себе образ действий и начертать путь, которым следует идти. Берегитесь легкости в построении системы жизни — это самая опасная вещь. Спросите себя: прониклась ли душа Ваша достаточно любовью к ближнему, а не только любовью к истине»².

Как и все славянофилы, И.С. Аксаков верил в духовную самобытность русского народа, отсюда он выводил своеобразие исторического пути, характера и особые формы управления жизнью. В повседневной реальной жизни народа он видел столкновение двух начал: духовного и юридического, формального, начала. Духовное начало определяло не только веру, характер, поведение народа, но и самый быт, который понимался славянофилами предельно широко — как естественный образ жизни, как природная склонность, быт включал в себя и крестьянский труд, и развлечения, и молитву. Аксаков отстаивал права крестьянской общины, но интересно: при этом он опирался не на теорию, а на реальную практику крестьянской жизни. Если крестьяне считают для себя удобным и нравственным коллективное земледелие, взаимопомощь, передел земли по едокам, то, при всей внешней неприглядности, непрак-

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 4. М., 1896. С. 238.

² Коллюпанов Н. Биография А.И. Кошелева. Т. 2. М., 1892. Приложения. С. 44.

тичности этого уклада, не стоит разрушать его насильственно. Вероятно, такой порядок отвечает внутренним, глубинным потребностям народа. Вот почему Аксаков стремился прежде всего выяснить, какую нравственную задачу пытается разрешить народ. Эта задача — сохранение самого себя, своей чистоты и независимости. Именно «внутренней свободой», независимостью от государственной стихии определяются основные начала русского (и всех славянских) народов. В созданной славянофилами модели государство основано на подчинении силе. Закон существует, но он сам первоначально устанавливается насилием в результате завоевания. Но Россия начинала развиваться иначе. Славянофилы придерживались норманской теории происхождения Руси и полагали, что первые князья не завоевали русскую землю, а были призваны, чтобы, с одной стороны, сохранить внешний государственный порядок, а с другой — обеспечить народу спокойную внутреннюю жизнь, независимость от государства и системы управления. Поэтому русский народ, как писал И. Аксаков, это народ «неполитический», он не интересуется внешними формами управления и предпочитает самодержавие: лучше подчиняться человеку, нежели «государю-парламенту» или «государю-народу». В письме к А.Д. Блудовой он сравнивает Россию и Запад с Новым и Ветхим Заветом: «Начало государства есть начало принуждения, неволи; начало закона (по Апостолу) — грех. Начало христианства есть освобождение от закона, внутренняя свобода <...> Запад ищет спасения в законе, и Вы с ним и с Чичериным. А русский идеал выше. <...> На Западе совесть сменяется законом <...> вся забота — о государственных формах. Для нас же забота та, чтобы государство давало как можно более простора внутренней жизни и само бы понимало свою ограниченность, недостаточность»¹.

Начала государственное и народное постоянно противопоставляются в статьях Аксакова. В 1862 г. в серии статей об обществе он развивает концепцию К.С. Аксакова и выстраивает триаду: народ — общество — государство, как корни — сердцевина — кора, предохраняющие дерево от пагубных воздействий. Народ живет непосредственной и часто бессознательной жизнью. Общество — «сам народ в его поступательном движении», точнее «народ самосознающий». У И. Аксакова здесь причудливо переплелись элементы патернализма и представления о биологической природе государства. Вся терминология связана у него с живой жизнью: «С одной стороны — народ в его непосредственном бытии; с другой — государство — как внешнее определение народа, заимствующее свою силу от народа — и усиливающееся на его счет... на-

¹ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. М., 1896. С. 229.

конец, между государством и народом — *общество*, то есть тот же народ, но в высшем своем человеческом значении...»¹. Именно в обществе сохраняется историческая память, предание, формируются нравственные принципы и требования народа. Общество — это не какой-то класс, это среда, необходимая для развития просвещения, печати, для обеспечения действительной самостоятельности и независимости народа от государства. Именно отсутствием общества объясняет Аксаков недостатки русской жизни. Он считает, что только *общественное мнение* способно выражать и защищать интересы общества перед правительством. Поэтому имеют такое значение литература, печать, которые и становятся рупорами общественного мнения.

Развитие и усиление общества становится для И. Аксакова главной заботой дня. Он пристально наблюдает за тем, как создается в России общество, как развивается его голос — общественное мнение. Однако первоначальные радужные ожидания не оправдываются, и Аксаков признает: «Нет у нас ни общества, ни общественного мнения... то, что пожаловали мы в чин общества, не есть просвещенное выражение Русской земли и народа»². Здесь нет отказа от теории, но все же заметны некоторые изменения. Общество — «просвещенное» выражение не только «народа», но и «земли». Землей же, по древнерусскому обычаю, славянофилы называли все население русского государства, не облеченное властью, государственной или духовной, не принимающее участия в управлении. Аксаков продолжает надеяться на «перевоспитание» общества в «духе русской народности», то есть в духе братства, особого славянского начала, при котором возможно признание «различий в звании, положении и состоянии» (то есть общественное неравенство) и «духовное христианское равенство». Социальные и сословные различия должно предоставить «естественной переработке истории и жизни». Самое естественное неравенство способностей, возможностей, социального положения он делает источником или основанием высшего равенства — духовного, христианского, и закрепляет его с помощью равенства гражданского, то есть юридического. В 1863—1865 гг. он не раз признавался в «Дне», что общество не стало народной силой, ибо «ненародность есть уже первое и, конечно, главное условие нашего общественного нравственного бессилия». В конечном счете общество — производное от народа, и Аксаков это хорошо понимает: «Сила России не в обществе, раболепствующем Западу и отчужденном от народа, а в пятидесятимиллионной *однородной* массе русского народа, освобожденного русским государством от кре-

¹ См.: С. 139 настоящего издания.

² Там же.

постного рабства и освобождаемого им постепенно от рабства немцам и от остальных, еще тяготеющих на нем уз, сковывающих его правильное, естественное развитие... Чем свободнее земля, тем крепче государство, чем вольнее народный голос, тем могущественнее его поддержка»¹. Речь идет о признании реальности: общество не отвечает своему предназначению, ибо оно ненародно. Сила лишь у народа и у правительства. Но это признание не означает отказа от теории общества. «Старое общество отстранилось, нового общества еще нет, надо ждать, пока оно народится, и народится оно без сомнения, но из каких элементов? Не пришло еще время народиться ему из элементов народных, а те элементы, какие у нас имеются в виду, могут ли они дать здоровое общество?»

Такая последовательность в разработке теории общества представляется особенно важной, так как в ней отразилось стойкое недоверие Аксакова к возможностям власти, к самодержавной инициативе. Поэтому существенно, что источником силы, инициатором преобразований становится у него не только власть, но и народ. Надо учесть, что Аксаков отстаивал права нравственные, которые он сам считал неполитическими. Не помышляя о свободе политической (выборы депутатов, представительное правление), он считал краеугольным камнем развития обеспечение свободы слова и мнений, свободы вероисповеданий, собраний и т.п. Следуя славянофильской логике, он готов был противопоставить конституцию (олицетворение политических свобод) и земский собор (олицетворение свобод нравственных). Конституция дается под давлением, это отказ царя от части своих прав, которые может узурпировать олигархия. Земский собор — это свободное совещание народа и царя с целью понять друг друга. Созывая Земский собор, царь, по мысли Аксакова, не берет на себя никаких обязательств заранее, остается свободен. Главная его обязанность — выслушать народ, узнать его нужды и предложения. Народ, собираясь на собор, также не присваивает себе никакой власти. Он свободен обсуждать меры, предпринятые правительством, давать советы. Взаимное желание сторон к сближению, по мнению Аксакова, важнее письменно оформленного порядка, конституции. В неопубликованной записке «Самодержавие не есть религиозная истина» (1869) он между прочим высказывался за самодержавие только потому, что оно обладало «человеческим лицом». Он развенчивает «религиозный ореол» самодержавия, даже готов ограничить самодержавную власть, но не конституцией, а народной волей. «Самодержавие — такая политическая форма, где во главе управления стоит одно *лицо* (живое человеческое лицо, человек)... Действие самодержавия простирается только на *государство*: вот

¹ Там же. С. 141.

его область. Все, что лежит вне этой области (в нравственном смысле), лежит вне круга действий самодержавия. Если самодержавие переступает эти пределы, вторгаясь в сферу церковную и частную, в область личной совести и личной свободы человека, то оно... становится узурпацией, тиранией. Таково оно и есть в России со времен Петра <...> Желательно ли ограничение? Разумеется, желательно. Мы не можем желать возвращения времени ни Ивана Грозного, ни Петра, ни Павла... Вопрос весь в способах и средствах ограничения»¹. Позднее, в 80-е гг., он признается в одном из писем, что Земский собор в конечном счете вполне может стать основой парламента и послужить делу введения конституции и ограничения самодержавия. Но начинать следует все же с Земского собора. Он объяснял О. Миллеру, что либералы не понимают его позиции: «Когда я им указываю на «самодержавие и самоуправление», то они сглупа не понимают, что это есть венец либеральных вожделений общества, основа действительная для всякого, в нужном случае, представительства. Это есть постоянное практическое выражение той же идеи, какая выражена, и в «Записке» К.С. Аксакова теоретически и формулируется: «Государство и Земля», которых союз выражается в некоторых случаях в Земском соборе»².

Размышления об историческом развитии России и прогрессе приводят И.С. Аксакова к анализу внутренних причин замедленности развития, к проблеме «искажения», порчи древнего государственного устройства. В июне 1865 г. в письме к А.Ф. Тютчевой он задается следующим вопросом: «Какая это загадка — Россия! Вот тема для интересного труда: проследить процесс постепенного замирания или омертвления органической жизни, каким образом древнему русскому государственному устройству стал присущ элемент немецкого Staat. Указанием на реформу Петра нельзя ограничиться. <...> И что это за духовный элемент наш, который так негативен, пассивен, который успокаивается в своем бездействии на воле Божией. Или призваны мы только к духовным подвигам? Но разве они исчерпываются молитвою? Нам не на что указать в старине, кроме молитвенных подвигов, не на кого — кроме молитвенников, святителей, святых, затворников, пустынников, монахов — и ни на один памятник, кроме пещер, храмов и монастырей. Но что же мы с ним делаем? Разрешит ли наконец себе Россия задачу — примирить духовное наследие с жизнью цивилизованною, или осуждена — однажды дрогнувши, усомнившись в вере,

¹ Там же.

² Цит. по кн.: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков... С. 251—252. По справедливому замечанию Н.И. Цимбаева, Аксаков желал «гораздо большего, чем конституции, которую всегда можно переменить, он хотел вечного и неизменного ограничения самодержавия» (Там же. С. 213).

явиться несостоятельной и для жизни цивилизованной? Или же ее духовный элемент разовьется до высшей духовности, положительной деятельности? Или необходима славянской натуре прививка немецкой ветви?»¹.

Не только в духовном, но и в политическом развитии Россия подчиняется какой-то особой логике. Проследившая историческую эволюцию Русского государства, Аксаков развивает «теорию обратного прогресса». Он показывает, что сам вектор движения России иной, обратный по сравнению с Западом. В истории, по мнению славянофилов, вообще нет простого перехода от худшего к лучшему, а в истории России вообще действуют иные законы. В статье «Исторические судьбы земства на Руси» Аксаков анализирует ход русского исторического развития. «Если мы соотнесем историю с историей западных государств, то ход нашего исторического развития представится нам *в совершенно обратном направлении* (курсив наш. — В.Г.). Везде народы идут от стеснения, рабства и неволи к свободе: везде история являет поступательное движение *от умственной и духовной косности к деятельности мысли и духа*»². Таково общее правило. Но Россия идет совершенно иным путем. «От денежных пеней и отсутствия телесных наказаний в «Русской правде» мы приходим к страшным уголовным казням Соборного уложения, от свободы крестьян — к крепостному праву; от вольного и шумного голоса народа на вече, от степенного голоса земли на земских соборах — к мрачной тишине и безгласности русского народа в XVIII и первой половине XIX века»³. По мысли Аксакова, «обратный прогресс» — это не просто движение вспять, не регресс и не упадок. Он возникает в новых, значительно усложнившихся, по сравнению с первоначальными условиями. Конечно, «уголовные казни» куда страшнее наказаний в «Русской правде». Но само законодательство изменилось, стало сложнее. Крепостное право стесняет народ, оно отжило свое, но оно означает и существование более сложного законодательного, экономического, хозяйственного механизма, чем в XI—XII вв., когда нормой было хозяйство свободных общинников. Причину столь удивительного «обратного прогресса» нашей истории Аксаков видит в том, что в России не создалось общества, общественного мнения. Некому было сдерживать напор государственного начала: «грех нашего всенародного бездействия дал временную победу стихии деятельной, но чуждой нашей народности»⁴.

Аксаков подчеркивает, что русский народ призван к подвигу. Это подвиг самосознания. «Обратный прогресс» препятствует

¹ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. М., 1896. С. 107.

² См. С. 642 настоящего издания.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 643.

этому самосознанию. Он затрагивает не только государственный порядок в целом, но и характер отдельного человека. Меняются личностные качества народа. Возник разрыв между ним и высшими классами.

Петр ввел в России европеизм, сначала как моду на чужую одежду и обычаи, затем обязательными и модными стали чужие мнения... Но хотя «ложь чужой национальности... щеголяла открыто во французском кафтане, в напудренном парике», но сам русский человек еще не переменился. Он сохранял и русский ум, и русское сердце. Затем наступило перерождение. Исчез не только интерес, но всякое уважение к народности. Официальный, казенный патриотизм заслонил все другие чувства и подчинил себе всю жизнь. И вот теперь, считает И. Аксаков, общество вступает в «третий фазис лжи» — перенимает русскую народность, переряжается в русское платье, не понимая идеалов русского народа, не сочувствуя русской жизни: «является лженародность, национальность русская, понятая чисто внешним образом, и даже не понятая, а только перенятая, прикрывает собою ложь внутреннего содержания»¹.

Простой народ, по мысли И. Аксакова, не знает официальную историю — перечень событий. Он понимает историю иначе — как «тысячелетнее пространство времени». Переживание времени у народа связано с его нравственной самооценкой. Именно об этом, о нравственном суде истории писал Аксаков в статье: «По поводу празднования тысячелетия России». За «внешними гранями внешней истории» он пытается разглядеть внутренний смысл событий. Он постоянно напоминает о том, что «действие нравственных истин не прекращается в нашей истории и продолжает свой логический процесс в сфере отвлеченной работы мысли, и мы таким образом как бы повторяем... всю нашу тысячелетнюю историю в области сознания»². Тесно связывая историческое развитие с нравственным законом, И. Аксаков стремится к тому, чтобы на основе исторической памяти предсказать будущее. Характерно, что одну из статей о крепостном праве он заканчивает предупреждением: «Не мужики спросят — история спросит». Народ и история в этом случае равнозначны. Что стоит за этими яркими, но все же не очень конкретными словами? Признание равенства всех сословий перед историей? Или сожаление о том, что исторические уроки не усвоены, не поняты, что общество делает все те же ошибки? Скорее иррациональное, почти мистическое убеждение в том, что смысл истории открылся именно мужикам, а не образованному обществу. Сама простота мужика обостряет восприятие связи событий, развивает интуицию. Следовательно,

¹ Там же.

² См. С. 165 настоящего издания.

чтобы понять историю, надо опроститься, слиться с народом в единое целое? Но в том-то и дело, что И. Аксаков верил в народ, в его здравый смысл, желал сближения сословий, но никогда не пытался сделать вид, что может стать на одну ступень с мужиком, слиться с ним — даже в самой отвлеченной теории. Недостаток органической силы, присущий образованному сословию, он старался возместить воображением, внимательным взглядом художника. Для него несомненно, что поэтическое чувство — оборотная сторона логического разума, и поэтому оно может служить «одним из познавательных орудий человеческого духа, неразрывным с логическим разумом».

В этой мысли, высказанной в предисловии к третьему тому Собрания сочинений К.С. Аксакова в 1880 г., мы находим объяснение славянофильской двойственности. Художественное восприятие истории предлагается как способ научного познания мира. Но в этом случае интуиция, соединенная с наукой, становится жизненным принципом. И, так же как в жизни, один образ перетекает в другой — проблема эстетическая оказывается связанной с нравственной и опирается на историческую память народа. Аксаков не стремился идеализировать прошлое, вернуть утраченное время. Он искал идеал, то есть время истинное. Но это истинное время чаще всего впереди, а не в прошлом. Прошлое подсказывает, направляет творчество народа. Но все же идеал принадлежит не столько настоящему и прошедшему, сколько будущему.

Разумеется, так думал сам И. Аксаков. Но было ли так на самом деле? Формы прошлого неизбежно влияли на него, искажали исторические пропорции, заставляли быть бескомпромиссным. Но принципиальная позиция приносила ему одни неприятности. В 1867—1868 гг. на средства московских купцов и по их предложению Аксаков выпускал и редактировал газеты «Москва» и «Москвич». За два года своего существования «Москва» получила 9 предостережений, три раза приостанавливалась и наконец в административном порядке была закрыта. Газета «Москвич», созданная как временная замена «Москвы» в 1868 г., также была закрыта, причем главной причиной было обвинение в резкости тона. В докладной записке в Сенат, пытаясь оспорить доводы министра внутренних дел Тимашева, Аксаков вновь не сдерживается. Опровергая суждения министра о неблагонамеренности и вредности направления своей газеты, он обосновывает целое учение о том, что такое направление и тон газеты, чем одно отличается от другого и почему министр смешивает одно с другим вместо того, чтобы разграничивать. Мало того: он высказывает свой взгляд на независимость печати, на ее предназначение: «К чему призвана русская независимая, т.е. неофициальная, печать... Обязана ли она высказывать обо всем только мнение самой администрации или непременно согласное с нею мнение — или же пользуется правом иметь и

свое суждение? Содействовать правительству всесторонней разработкой вопросов, разъяснением общественных нужд и потребностей и даже практического применения законов, нередко лучше видного снизу, чем сверху? Очевидно, что в первом случае существование независимой печати было бы невозможно... она стала бы органом не общественного и частного мнения (в чем именно и заключается ее призвание и ее служба государству), а только администрации»¹.

Прежний опыт издания газет и журналов, столкновения и борьбы с правительством оказался непригоден — вероятно, потому, что само время уже требовало других понятий и образов. Но для И.С. Аксакова истина оставалась прежней. Поскольку попытки объяснить ее оказывались тщетными, усиливалась полемичность его выступлений. После закрытия «Москвы» он руководил Московским славянским благотворительным комитетом, часто выступал с речами о внешней политике России и о славянских делах. Каждое выступление подталкивало к решительной защите славян, требовало от правительства прямых действий, вплоть до вооруженного вмешательства. После одного из самых громких своих выступлений в 1877 г. Аксаков был сослан в деревню Варварино. К журналистике он вернулся лишь в 1880 г., начав новое издание — газету «Русь». Говоря о последних годах его журналистской работы, было бы проще всего сказать, что И. Аксаков не увидел и не понял изменений, произошедших и со страной, и с народом, что он остался прежним и не вписался в рамки нового времени. Но это было не так. Терминология, образный склад остались прежними. Но их смысл существенно изменился. Русская идея из идеи национальной самобытности все чаще превращалась в идею национального превосходства, представление о мессианском предназначении русского народа — в идею государства-объединителя и наставника славянских народов. Наиболее сильной стороной истинного, классического славянофильства всегда была определенная дистанцированность от власти, убежденность в превосходстве начала общественного (и личного) над государственным. Эти качества он сохранил до конца жизни. В 1880 г. в речи на Пушкинском празднике в Москве он заметил, что «историческое чувство» и «историческое сознание» предполагает уважение к народу-носителю этого сознания, «постоянную память о том, что перед нами не мертвый материал, из которого можно лепить какие угодно фигуры, а живой организм»².

Конечно, не всегда и не везде И. Аксакову удалось выдержать им же самым выдвинутое требование. Он словно бы забывает о

¹ См. С. 417 настоящего издания.

² Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1887. С. 832.

нем в статьях по еврейскому вопросу, опасно близко подходя к официальной позиции. Ему казалось, что еврейские погромы на юге России отчасти спровоцированы поведением самих евреев. Он серьезно рассуждал о религиозных устремлениях евреев, считая их, вероятно, вполне искренне, врагами всех христиан. Это был не взгляд, направленный вперед, в будущее, а взгляд издалека, из средневековья, затмевающий современность. Нетерпимостью был отмечен и спор Аксакова с В.С. Соловьевым о православии, его значении и отличии от католичества. Однако было бы неверно, слишком просто делить взгляды Аксакова на верные и неверные, сортировать его наследие по этому принципу. Аксаков был человек страстный, увлекающийся, ошибавшийся. Нам важно понять, что сам он никогда не считал себя обретшим полноту истины.

И.С. Аксаков был «похищен смертью» во время работы над очередной статьей для «Руси», 27 января 1886 г. Его смерть не оставила равнодушным никого из его друзей и оппонентов. В какой-то момент показалось, что она послужит их сближению...

Публицистика И.С. Аксакова обращена к вечности, а значит, к сокровенному, даже сакральному смыслу истории. Поэтому Аксаков то взволнован, то ироничен, но всегда предельно откровенен и с собой, и со своими читателями. Он снимает «маски» с модных образов, романтический флер решительности и объективности с тех пошлых лозунгов, которыми наполнена журналистика в 40-е и в 60-е, да и в 80-е гг., и которые и сейчас продолжают волновать нас. Прогресс, не одухотворенный верой, то есть прежде всего высокой нравственностью, становится у Аксакова регрессом, дикостью, прекраснодушные мечтания славянофилов о самостоятельности и высоком предназначении народа — обнаруживают свою наивность перед прозаическими требованиями времени — отмены крепостного права, выдачи паспортов, строительства железных дорог, и выглядят для публициста гораздо «просветительней». Сама история России обнаруживает особую, парадоксальную перевернутость, своего рода «обратный прогресс». И здесь И. Аксаков соприкасается с идеями Чаадаева, развивает его образы, уточняет его идеалы¹.

Истинное время для И. Аксакова — время обретения идеала. Оно еще впереди, только должно наступить. Понятно лишь, что это идеал христианский, что рождается и живет он в народной душе. Разумеется, все это уже не было открытием и поэтому обращение к народности казалось перепевом, повторением мыслей

¹ См. в нашей статье: Греков В.Н. На пути времен. В сб.: Пространство и время в статьях П.Я. Чаадаева // Мир романтизма. Вып. 1(25). Тверь, 1999. С. 27—38.

Киреевского, Хомякова, К. Аксакова. Но это не так. Для К. Аксакова история, народность — это путь, на который следует вернуться, направление, считал он, уже избрано, нужно только идти. И.С. Аксаков писал иначе. Он признавался, что славянофилы «вопрошали духа жизни» в истории и современности, тем самым он отдавал право выбора пути самому народу.

В.Н. Греков

ИЗ ПИСЕМ И.С. АКСАКОВА

С.Т. АКСАКОВУ

4 сентября 1838 г.

<...> Вы говорите, милая маменька, что надо мною смеются. Это участь всякого. Впрочем, я теперь становлюсь вольнее и вольнее в училище, особливо у себя в классе. Что ж касается до благородного образа мыслей, то у нас есть многие, которые его имеют и способны оценить его в других, но есть и такие, которые его не только не имеют, но и не понимают.

1 ноября 1838 г.

<...> Я теперь вижу, как надо делать, чтоб не казаться смешным и сохранить в душе прежние чувства и понятия, не смешиваться с толпою (т.е. не сливаться в (нрзб.)). (Я называю толпою тех воспитанников, которые не отличаются ничем особенным, имеют обыкновенные, пошлые понятия и пр. и пр.), не быть слишком откровенным, потому что многие важные понятия, не быв оценены, кажутся смешными. Разумеется, есть люди, которым они и не покажутся смешными, но я положил себе за твердое правило не навязываться к большинству. Наконец, быть про себя, т.е. отвлекать свой ум до точки (?) сознания. Таким образом, это меня предохранит от всякого ложного шага и сохранит в душе моей понятия и мысли, так мало согласующиеся с здешним. Чем более буду я сосредоточиваться внутри, в себя, тем сильнее и глубже разовьются чувства. С тех пор, как я в училище, я сильнее чувствую любовь к семейству, цену родного дома и вообще Москвы. Я положил себе побольше думать.

4 мая 1839 г.

<...> С того Костя и не понимает моего письма, что я не вполне выражаю свои мысли. Я не знаю, почему он заключает, что я оказываю претензии на другой старший возраст. Он пишет потом: будь равен самому себе. Это важный совет, *может быть*, ты его поймешь. Отчего же *может быть*? Точно будто это какая-то мудрость. Я знаю, что скажут: какая в нем самонадеянность, даже и целый год, проведенный в училище, не сбавил ее. Если и убавить у меня самонадеянность, так совсем в другом случае. И если б я даже и думал о себе сам меньше, то никогда бы этого не показал, потому что у меня слишком много гордости, или как хотите назовите, чтоб... не только для других, но даже и для самого себя сознаться в своей незначительности.

14 мая 1839 г.

<...> В первую очередь я желаю стоять выше не из честолюбия, но отчасти из оскорбленного самолюбия, потому что надеялся стоять высоко, и обманулся в себе, и не стал так высоко; отчасти для того, что занять не первое (я давно отложил попечение) но однако же хорошее, почетное место. Если бы я не получил 9 класса, то мне стыдно было бы явиться в свое семейство.

7 октября 1839 г.

<...> Что касается до меня, то вы может быть могли заключить, что я учением доволен и пр<очее>, могли (*нрзб.*). Ничуть не бывало: *мне* не нравится мое положение, но я слишком многого требую. Но как много таких, которые считают мое положение прекрасным, да никто не сомневается, и думают, что я сам очень доволен. Все так. Чего же более? Может быть, я никогда ничем не буду доволен, может быть, это свойство моего характера. Как бы то ни было, вот мой план будущей жизни.

Выйду я из училища довольно молодым, мне будет 19 лет, прослужу назначение 4 или 6 лет, разумеется, буду служить хорошо. Я непременно хочу сделаться *стряпчим*. Во Франции больше адвокатов по делам уголовным, у нас таких нет, но у нас могут быть адвокаты по делам гражданским. Должность самая благородная, тем более, что искушений много (разумеется, не для меня), разумеется, что только то дело я возьму на себя, которое я по тщательном рассмотрении найду справедливым. Разумеется, для этого надо работать день и ночь. Это чрезвычайно трудно, но если буду выигрывать дела самые запутанные и справедливые, то я затем приобрету себе репутацию. Я знаю одно дело, за которое обещано 50 рублей, дело справедливое. Я должен стараться понять, разобрать этот ворох бумаг, мыслей, хлопотать. Работа несносная, зато я получаю воздаяние для меня великое, но малое относительно дающего, которому лучше дать частицу, нежели лишиться всего. В продолжение 4 или 6 лет надеюсь много собрать денег... откладывая часть для издержек. Остальное я охраняю, как бы сказать, или положу в ломбард, или куда бы то ни было. К чему мне столько денег, к чему это все клонится, спросите вы. По прошествии 6 лет, 25-ти лет еду путешествовать года на два, покупая книги, собираю библиотеку. Что будет далее, не знаю. Я бы желал, чтоб это так случилось. Как вы думаете об этом? Эту мысль мне подал Гриша.

26 января 1842 г.

<...> По какой-то странной и уже давнишней привычке — не пропускаю я ни одного ощущения, которого не старался бы поверить умом, подвести под общую точку зрения моей головы. Мне кажется, что так быть должно, что голова должна иметь перевес над сердцем, что она должна гнуть на свой тон дисгармонирующие с ней впечатления.

Мне нравится повесть Панаева потому только, что в ней хорошо обрисована дурная сторона помещичьей жизни. Я не спорю, что помещик помещику рознь, но все-таки это общий характер этой жизни. Она гадка как действительность, но для меня потому-то и интересная, что вся отвратительность и гнусность действительности здесь изображена.

Я не люблю боярского быта наших предков, их бороды и неизбежного брюха, от всей души благодарю Петра за то, что ношу европейский костюм и подчиняюсь законам образованности, — я вообще не люблю себя обманывать, видя только одну пасторальную сторону деревенского быта. Мне кажется, жизнь человеческая так недолга, что страшно, как можно посвящать столько времени пустым наслаждениям, как можно из любви к другому пожертвовать всем временем своей жизни. Мне непонятны эти пошлые фразы: в упоении блаженства провести вечность <...>. Никогда чаще не приходит мне в голову мысль о смерти и мертвых, как при звуках музочки, на балу, в театре — или когда я сам разражаюсь громким смехом. <...> Я совсем не смотрю на повесть Панаева как на художественное произведение, а просто как на подтверждение моего взгляда, как на такую вещь, в которой я могу найти доказательства своей мысли, просто как на копию с действительности. Героиня и студент нравятся мне не сами по себе, а по положению своему между грубыми контрастами их собственным нравам. Положение не новое, не созданное автором и часто встречающееся. <...> Пусть будущее укажет мне — какое направление должен я принять, пусть будущее явит, что я буду делать, изменятся ли мои взгляды. <...>

12 апреля 1842 г.

<...> Мне ничего не видится отрадного и мне кажется, что вся жизнь моя будет — неудовлетворенное стремление. Я не из того рода юношей, которые впереди всегда думают найти счастье и удачи и потому с покорностью смотрят на настоящее: я знаю, как все это бывает в действительности; и если иногда, обольщенный самолюбием, я и увлекусь надеждой, то зато в минуту спокойного размышления я разрушаю обман и разоблачаю истину.

Да! Мне что-то предчувствуется впереди скука, неудачи, уязвление самолюбия и гордости. И какая неопределенная туманная дорога. Хоть бы иметь какую-нибудь цель, а ее и быть не может.

К.С.АКСАКОВУ

8 декабря 1838 г.

Как рад я, что ты занялся такой наукой, как филология! Наука не сухая, потому что ты будешь смотреть на нее с философической точки зрения, наука живая. Вот наша наука, наука права — другое дело. Я уверен, что ты бы <нрзб.> полюбил ее теорию, т.е. теоретическое право, также право естественное, потому что может быть

ни одна наука не имеет такой тесной связи с философией, с нравственной природой человека, как право! Не есть ли законоведение какого-нибудь народа выражение его характера или мысли народной? Сравнивая законоведения различного времени между собою, не найдем ли мы постепенного хода развития человечества? В этом отношении можно с любовью предаться исследованию, заключениям, смотря, разумеется, с философской точки зрения. В этом-то отношении написана книга пропедевтика. Пропедевтика собственно значит: предуготовительные познания о праве (книга Штенгардта — это теория права общего, естественного, он беспрестанно ссылается на Канта, Гегеля и других. Но признайся, скучны мелочи! Скучны и сухи. Другое дело наше будущее звание. Наша цель практическая.

Сделайте милость, поспешите «Наблюдателем». Хорошо, будет выходить новый, а старые книжки за этот год?

Ты, я думаю, помнишь, как я прежде думал о первенстве, о влиянии и т.п. Нет, я увлекался этою сосредоточенною жизнью, этими рассчитанными движениями, этою постоянною мыслию, которою одушевлен человек. Все это имело для меня какую-то прелесть, а совсем не почести, не первенство или что-нибудь другое. Это сейчас было видно; встретились трудности, и я предпочел свободную, гордую, независимую жизнь товарищам, ибо я не принадлежу ни к каким партиям, не нахожусь ни под чьим влиянием.

<...> у нас в училище гораздо свободнее, чем в других заведениях, и вольнее, чем в других, и вообще наше заведение самое лучшее изо всех заведений. Я скажу даже, что в училище мне гораздо свободнее и может быть приятнее, чем иногда у тетеньки. Здесь я нахожу более разговоров.

<...> Впрочем, дух училища мне не нравится. Это может быть потому, что никогда ни в каких не был казенных заведениях или от того, что Москва гораздо нравственнее Петербурга.

<без даты. 1842?>

<...> Ты теперь все еще хочешь просвещаться вообще, а тебе должно просветить себя именно в одном каком-нибудь направлении. Это занятие разнообразными (и без определенного плана) предметами — когда нужно специально заняться каким-либо предметом, — право не приносит большой пользы.

Г.С. АКСАКОВУ

1842 г.

<...> Излишняя набожность делает робким ум, лишает смелости мысль человека, отнимает у него религией допускаемую доброту и уверенность в собственных силах. А распространение хоть и философски объясняемого религиозного направления, в том виде, как оно теперь в Москве, не опасного для крепкого, все

разжевывающего мужского <нерзб.> может легко произойти излишняя набожность <нрзб.> у женщин.

Н.В. ГОГОЛЮ

(Июнь 1844 или 1845)

За письмо Вас благодарю, несмотря на весь воз упреков, как Вы говорите, да за них-то собственно и спасибо, они имеют силу от совершенно внешней жизни, которую я веду здесь, обратить меня к самому себе. Это их заслуга. Много в них и несправедливо. Так особенно горько мне подозрение в самолюбии и гордости — мне, от глубины души считающему себя из всех детей ничтожных мира наиничтожнейшим без всякого реванша. Впрочем, все это глупости, и никому знать их нет надобности. Скажу только, что я хочу по Вашему совету устоять против всего, исключая хладнокровие, с каким принимаются хорошее и дурное, подлое и благородное, труд и шарлатанство.

М.П. ПОГОДИНУ

1859 г.

<...> Отыскал, Михаил Петрович. Я остаюсь при своем мнении, что эти строки о рабстве кладут хулу на народ, а бросать в него камень, упрекать его в подлости, право, грешно. Упрекайте нас в подлости, а его в преизбытке добродетели... За то увенчает его таким результатом, таким решением всемирно-исторической социальной задачи, какого не достигла Англия, при всей своей свободе. Я говорю о наделе землею в собственность, об общинном землевладении. Вы предлагаете правительству и законодателю ворочать народ в спасительную среду, т.е. предлагаете погонять народ палкою в казенные <оковы? — нрзб.> и управление. Определите, что такое и где спасительная среда. Ее определит сама история, сам народ, только избавьте его от опекунов — петербуржцев, законодателей и правителей, от «ворочающих». Я очень люблю Государя, даже больше, чем Вы, но никаких благословений и эпитетов ему в печати, у себя в печати, *решительно не допускаю*, и считаю себя вправе все подобные выражения без церемоний *вычеркивать*. <...>.

Ф.В. ЧИЖОВУ

12 апреля 1864 г.

Благодарю Вас от всей души за письмо, т.е. не за то, что Вы перед причастием миритесь с теми, против кого имели неприязненное чувство, — благодарить за это я не вправе и это было бы глупо, а за то, что Вы вашим искренним письмом делаете меня так сказать участником Вашего внутреннего душевного священнодействия.

<...> Не приписывайте самонадеянности то, что происходит от недостатка истинной самонадеянности. Уверенность в себе дает

внутреннюю свободу и спокойствие, а этого-то во мне и нет, и я ревниво оберегаю свою внешнюю свободу и ограждаю ее от всяких посягательств на мою независимость. Вы упрекаете меня в недостатке уважения к другим. Повторите ли Вы, если я скажу, что это происходит от недостатка внутреннего уважения к самому себе, — происходит впрочем невольно, а не умышленно <...> Многих кругом себя я оскорблял — даже без желания оскорбить, — и скажу опять — это происходит от того, что я привык оскорблять себя самого внутри себя своим анализом. Затем — вспомните мое *сочиненное* существование (я человек не цельный, а сочиненный) — находится осязаемое мною самим очерствление сердца, с помощью которого, после перенесенных ударов, я привязываюсь к жизни и сохраняю внешнюю бодрость; наконец, деспотизм ума и воли. <...> Сравнивая себя самого с собой прежним, нахожу, что воля моя крепче, жизнь чище, увлечения сдержаннее, поступки подчиняются воле..., но благоухания в душе меньше, чем в прежней, более грешной.

А.С. ХОМЯКОВУ

21 июня 1853 г.

<...> Где же оно, это учение церкви? Не в богословии Макария, не в Исааке Сирине, не в Иоанне Златоусте, не в русском крестьянине. Я знаю только то, что если Вы... начнете писать что-нибудь, вполне согласное по Вашему и по моему глубокому убеждению, с учением церкви, то и русский народ, и греки, и может быть девять десятых Святых Отцов отрекутся от Ваших мнений. Это впрочем меня не смущает: разве внешняя историческая церковь почти не отреклась от Евангелия?

Слова «Бог наказал», «Богу так угодно», «Бог испытует человека» при каждой беде, даже при каждой неудаче... мне кажется, эти слова... затемняют истину для самого человека, дают ему ложное направление... Разве наши несчастья не происходят от того, что мы блуждаем в потемках и потому не видим опасности внешней или нравственной. Всегда как-то странны мне были подобные речи. Если видеть в каждом случившемся с нами горе, наказание, посылаемое Богом, то кажется грешно было бы от него избавляться.

<...> Для Бога не существует человеческих и мелких определений счастья и несчастья. Несчастья собственно нет в мире, т.е. оно не создано Богом. Бог не создал несчастья, как не создавал он зла.

Смерть в природе не есть диссонанс. Бог устроил логический порядок вещей, который сам силою логики своей неминуемо наказывает всякого, нарушающего порядок. Несчастье есть всегда злое, логическое последствие нашей ошибки, или невежества, нашего греха.

<...> Земного счастья собственно говоря не существует там, где есть старость, дряхлость, смерть, болезнь, — такого счастья, кото-

рое зависело бы от одних земных условий. Счастье не в восторге аскета, но тогда, когда душа постоянно с Богом участвует в согласном хоре творения.

Земное счастье вовсе не грешно и не лишает нас части в царстве Божием, <...> если только оно проникнуто правдою Божией, если в нем нет ни хмеля, ни пьянства, если оно постоянно святится союзом человека с Богом.

<...> Так, да будет воля Твоя! Этими словами должна оканчиваться каждая молитва. Какая бы ни была просьба Ваша, но в словах «да будет воля Твоя», — Вы отрекаетесь от всего неуместного в Вашей просьбе... Вы прислушиваетесь душой Вашей к гармоническому ходу мироздания. Вы свободно подчиняетесь дивным законам Божиим. Поэтому молитва может быть названа не только лирическим вознесением к Богу, но гораздо проще — беседою человека с Богом.

Бог как солнце... Всех зябнущих зовет солнце греться его лучами, всех грешников призывает Иисус к своей любви, к своей истине. Счастье обитает в душе греющегося лучами Божьего света, какими бы ни были обстоятельства земной жизни...

Человек сам, молитвою своей придвинул себя к Богу и ощутил тепло. И вот значение молитвы: при приближении к свету яснее становится в человеке духовное разумение, лучше видят его духовные очи, освящающие для него жизнь и отношение его к людям <...> Итак, истинная молитва есть движение души к Богу и признание ею воли Божией, т.е. всех законов его премудрости... Нет совершеннее молитвы «Отче наш». Хлеб же насущный значит нужное: жизнь и смысл, — остальное приложится, в остальном я справлюсь, остальное не должно иметь влияния на мою душу.

<М.П. ПОГОДИНУ> в Орловскую губернию

Все сообщенные вами подробности в высшей степени интересны, и некоторая путанность или смешанность впечатления совершенно законна и истинна. Правительство сумело так обставить дело, что надо постоянно приводить себе на память всю важность произнесенного им слова. Совершилось, действительно, великое дело: крепостного права уже не существует, оно вычеркнуто из законодательства и из жизни. Только теперь возможны реформы и движение вперед самого народа, и он двинулся, тронулся, как вешний лед. Через полгода вы его не узнаете. Как они ни недовольны Положением, но выберут из него, поверьте, все, что служит к их выгоде, и проникнутся сознанием своих прав. Во всяком случае, мне сдается, что народ проснулся и инстинктивно чувствует, что он призывается к действию, что его черед наступает, и спешит вооружиться, запасается деньгами и грамотой. Как вы хотите, чтобы народ романтически относился к свободе и после двухсотлетнего плена радовался наивно тому, что ему разрешают

(по выражению князя Черкасского) браки по любви. Он понимает свободу как свободу *быта*, а ее-то ему и не дают. Не забывайте, что он, кроме того, находится под гнетом нужды и вечных забот о насущном хлебе. У него нет нашего барского досуга отдаваться отвлеченным соображениям о свободе вообще и пр. От этого-то рабства стремится освободиться народ (да и все человечество). Естественно, разумно и законно, что первый вопрос мужика, после недолгого, напряженного ожидания чего-то лучшего: «Избавлюсь ли я от нужды, обеспечиваюсь ли я материально и развязаны ли у меня руки на работу, на борьбу» (от которой он не отказывается). Не становясь в красивую позу, он в течение тысячи лет сберег свои *нравственные* начала, те, которые всего труднее уберечь, при постоянных соблазнах и искушениях. Между тем это дурацкое Положение на 1-й странице объявляет, что земля составляет неотъемлемую собственность помещика и таким образом идет прямо наперекор народным понятиям, выработанным его историческою жизнью. Тут очень важен провозглашенный принцип. Скажите крестьянину, что земля *его*, но что помещика следует вознаградить за эту землю, вознаградить обязано государство (а не крестьян — выкупать!), государству для этого нужны деньги, и участвовать в этом вознаграждении, наравне с другими, готовы и крестьяне. Это я слышал от мужиков.

Вот теперь велено распространить на государственных крестьян это же Положение, и заставят, пожалуй, и их выкупать землю. Это все равно, что заставить дерево выкупать ту землю, на которой и из которой оно растет. Признаюсь, чем больше я читаю Положение, тем мне грустнее становится, грустнее именно потому, что в составлении его участвовали близкие мне люди. Положение обличает полную несостоятельность нашего интеллигентного класса... Нельзя безнаказанно одной рукой жестикулировать в либеральном смысле, а другой сечь; нельзя безнаказанно либеральствовать и в одно и то же время ссылат в Сибирь Унковского, запрягать дворянам толковать на выборах и налагать молчание на литературу. Черкасский говорит: не было другого практического выхода. Мне до этого дела нет. Задача имеет одно, а не несколько решений. $2 \times 2 = 5$, то весь счет и итог будет неверен.

Что же касается до вашего расчета, то, право, я тут не судья. На бумаге выходит хорошо. Я, впрочем, думаю, что вообще помещикам не так худо, и крестьянам хуже — не сравнительно с прежним, а сравнительно с их ожиданиями, с их законными требованиями. Однако же, говоря правду, помещикам небогатым, тем, у кого имение заложено, и следует платить долги в Опекунский Совет (а закладывалась не земля, а рабочие силы), тем, у кого нет свободного капитала для найма рабочих и проч., выходит очень убыточно, особенно в наших Заволжских краях. Не понимаю, зачем изобрели такую выкупную операцию, на которую можно идти только в крайности. Для наших дел, например, необходимо

было бы, чтоб крестьяне выкупили одно имение, но Положение заставляет нас играть с ними в саче-саче. Вся штука в том, кто первый объявит: если мы, так теряем 20%; если они, так они должны будут уплачивать эти 20%. Потом казна, вместо денег, выдает нам какое-то свидетельство на большую сумму, которую передать иначе нельзя, как по купчей крепости, следовательно, нельзя разменять, разве как за полцены! А об административном устройстве и говорить нечего. Но при всем том брешь пробита!

Почему вы думаете, что «зависть (?), демократизм, неблагодарность суть пороки свободного народа»? Это все пороки рабства, крепостного ли рабства нужды, духовного и всех наименований. Но вы правы, мне кажется, говоря, что, например, кабальные люди были преданнее и что наши рабы, с тех пор как с ними стали лучше обходиться, готовы бросить доброго господина, чтобы перейти к тому, кто им больше дает.

Это может происходить от двух причин: 1-я), оттого, что в прежние времена господа были ближе к своим рабам, находились с ними в единстве быта, жизни, веры. Раб мог понимать и любить господина как человека, как русского. С тех пор как господа стали между собою говорить по-французски, не умеют речи держать русской, ни в черта ни в Бога не верят; то, несмотря на свою доброту, они стали рабам более чужие; у них *общего* нет ничего, у самых добрых! 2-я), рабу любить своего господина преданностию восточною не естественно, не человечно. Для этого надо сделаться животными, снизойти на степень собаки. На этой степени отчасти и держало людей кабальное холопство. Стали с ними обращаться лучше, рабы стали человечнее и утратили свойства собачьей преданности. Если господин смотрит на них как на предмет выгоды (не как на друзей же и не как на детей мы на них смотрим!), то и крестьянину или дворовому позволительно смотреть на господ с этой точки зрения. Благодарности от них ждать нечего, да и за что? За то, что ласковым голосом заставляем их орошать потом наши поля!!! Слава Богу, что нет благодарности.

Я должен кончить это письмо, потому что еду завтра в Петербург на несколько дней. У меня есть одно экстренное (чужое) дело, и сверх того, мне полуразрешена уже газета: надо кое с кем переговорить и видетсья.